

КРУГЛЫЙ СТОЛ

БУНИН И НАДСОН. ПОЭЗИЯ ДУШИ

Место проведения: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк.

Участники:

Ирина Георгиевна Минералова — литературовед, доктор филологических наук, профессор МПГУ;

Анастасия Викторовна Назарова — кандидат филологических наук, преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова;

Елена Андреевна Полтавская — кандидат филологических наук, руководитель НКО «Фонд поддержки литературы, культуры и искусств “Иппокрена”»;

Галина Ивановна Седых — кандидат филологических наук, руководитель поэтического семинара, доцент Литературного института имени А.М. Горького;

Юрий Вячеславович Цветков — российский поэт, культуртрегер, сотрудник государственного музея истории российской культуры имени В.И. Даля.

Анастасия Назарова

А.Н. НАЗАРОВА: Рада приветствовать всех нас на круглом столе, посвященном 160-летию поэта, самобытного художника слова, Семена Яковлевича Надсона. Почему мы обратились к этой, забытой сегодня, фигуре? Потому что без знакомства Бунина с творчеством последнего, его путь в литературе был бы иным. Интересно, что в биографиях обоих при всей их несопоставимости были, конечно, схожие моменты. Каждый из поэтов получил признание, но творчество каждого из них по разным причинам долгое время оставалось на периферии литературного процесса. Однако по-настоящему обоих поэтов роднила приверженность искусству, служение ему. В отличие от популярного в ту пору Надсона имя Бунина как поэта тоже было известно современникам, но признание пришло к нему значительно позже. Первые книги Бунина «Стихотворения» и «Под открытым небом» прошли, можно сказать, неза-

меченными. Тем не менее этот дебют определил все дальнейшее развитие Бунина-литератора.

Стихии поэзии и прозы оставались органически связанными между собой на протяжении всего его творчества. И хотя в отличие от прозы бунинская поэзия в своем глубинном содержании не сразу была оценена современниками, позднее (особенно в период эмиграции) они единодушно отметили пронзительную лиричность и глубокую философичность бунинских лирических произведений, пронизанных раздумьями над сущностью мира и жизни.

Тем не менее поэзия Бунина не только раскрывает перед читателем грани сложного и богатого духовного мира ее творца. Она выступает и подлинным хранилищем русской классической традиции. В своей поэзии и стилистически, и миросозерцательно вырос из нее. Ей он оставался верен и в последующие годы. Из поэтов начала XIX века на Бунина повлияли В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин. Поэтический отклик в его душе нашли и такие поэты середины века, как Н.А. Некрасов, А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев, а также старшие современники — А.Н. Майков, С.Я. Надсон, Я.П. Полонский, поздний А.А. Фет и др. Имена многих из упомянутых предшественников, чья поэзия питала на разных этапах бунинское творчество, с течением времени померкли в памяти потомков и оказались забыты, однако его лирика позволяет «воскресить» эти фигуры для современной читательской аудитории.

Имя Надсона Бунин неоднократно называл в числе тех поэтов, чье влияние, пусть и недолгое, он испытал в юные годы. И даже спустя почти шесть десятилетий с момента публикации первого стихотворения будущего нобелевского лауреата «Над могилой С.Я. Надсона» в наброске воспоминаний 1944 года о литературной молодости фамилия Надсона оказалась в числе тех литературных деятелей, чье влияние на собственное творчество Бунин счел важным указать.

Что же привлекло Бунина в творчестве Надсона? Насколько глубока их связь? На эти и другие вопросы мы попытаемся дать ответы в рамках сегодняшней встречи.

Этот разговор представляется особенно интересным еще и потому, что ставит вопрос о писательском имидже, а также о превратностях судьбы художников слова. Сейчас нам может показаться удивительным, что за столь

короткий жизненный путь — а прожил Надсон всего двадцать четыре года — его творческая деятельность продолжалась всего лишь девять лет. Тем не менее он оставил в сознании и памяти современников неизгладимый след. Его единственный прижизненный сборник стихотворений вышел в 1885 году. Он почти сразу же был удостоен Пушкинской премии и при жизни поэта переиздавался пять раз, а в читательских альбомах его поэтические произведения переписывались несчетное количество раз. Любопытный факт: спустя некоторое время после смерти Надсона более ста его стихотворений были положены на музыку. И это были популярные романсы. Посмертная слава поэта продолжалась еще долгое время.

Как происходило зарождение творческой индивидуальности Надсона и ее становление, расскажет кандидат филологических наук Елена Андреевна Полтавская.

Со студентами ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского после проведения круглого стола

Е.А. ПОЛТАВСКАЯ: Если коротко осветить биографию поэта, то она такова. Семен Яковлевич Надсон родился в 1862 году в Санкт-Петербурге. Отец, Яков Семенович, был евреем. Мать, Антонина Степановна, относилась к роду Мамонтовых. Родители Антонины выбор дочери не одобрили. Молодая семья жила в Киеве, где отец Яков Семенович занимал должность чиновника. Но в 1864 году отец умер. Семену два года, его сестре Анне полгода. Через семь лет странствований, лишений, крайне неудачного второго брака матери они возвратились в Петербург по приглашению ее брата Ильи Степановича Мамонтова.

В девять лет (в 1871 году) Семёна определили в подготовительный класс 1-й гимназии, где он проучился год. А в 1872-м юного Надсона отправили в пансион во 2-ю военную гимназию Петербурга. В 1873 году от продолжительной чахотки, в возрасте 31 года, умерла мать Антонина Степановна, оставив детей на попечение брата, Ильи Степановича. Первые стихи Семен Надсон начал публиковать, еще учась в гимназии. Окончив гимназию, он продолжил учение в Павловском военном училище, в котором царил жесткая дисциплина. Во время военных учений юнкер впервые заболел. Училище Надсон окончил в 1882 году и был направлен в Каспийский полк подпоручиком. Надсон гордился своими достижениями, однако к военному делу так и не привязался душой. В этом же году он познакомился с А.Н. Плещеевым, высоко оценившим творчество молодого

Елена Полтавская

поэта и открывшим ему путь в «Отечественные записки». Но в 1883-м Семен заболел костным туберкулезом. Он оставил службу и посвятил себя поэзии, много печатался. Но болезнь его не отпустила. При жизни вышел единственный сборник стихов поэта. 31 января 1887 года Семен Яковлевич Надсон в возрасте двадцати четырех лет ушел из жизни.

Детство Ивана Бунина было иным. Он рос в деревне, был любимым ребенком в семье. В пятнадцать лет бросил гимназию и больше никакого образования не получал. Обучал его старший брат Юлий Бунин, находившийся под домашним арестом в Озерках. Жена Бунина Вера Николаевна Муромцева в воспоминаниях «Жизнь Бунина», описывает, как формировалась тонкая и ранимая душа будущего поэта. Однажды отец Алексей Николаевич приехал с Ваней, ему было шестнадцать лет, в Васильевское на похороны мужа своей племянницы Софьи Нико-

лаевны, Алексея Ивановича Пушешникова. Вдове исполнилось двадцать восемь. На руках у Софьи Николаевны осталось четверо детей. «Вторую ночь Ваня почти совсем не спал, в коридоре через дверь в зал он услышал чтение дьячка: “возвышают реки голос свой... возвышают реки волны свои...” <...> Он вышел через коридор на заднее крыльцо и долго ходил вокруг дома по двору, затем остановился и стал смотреть за реку на флигель, где жили Туббе¹, увидел в одном окне огонь... “Это она² не спит”». Пока его отец занимался делами Ваня, читал «Фауста» Гете и бегал на свидания с Эмилией, которая, увы, собиралась уезжать. А в день, когда она уехала, он после обильных слез ушел пешком, а это несколько километров, в Озерки, не дожидаясь отца, которому нужно было еще остаться, чтобы помочь племяннице-вдове в делах.

В эту же зиму он под руководством Юлия Алексеевича сильно развился, приобрел много знаний, перечитал немало книг — почти всех русских классиков, некоторых иностранных и уже видел мир не по-детски, а со всей остротой своей восприимчивой натуры, писал стихи. И уже Юлий начал поговаривать, что следует послать их в какой-нибудь журнал, например, в «Родину».

Вот дневниковая запись Вани Бунина 20 декабря 1886 года: «Вечер.

На дворе, не смолкая, бушует страшная вьюга. Только сейчас выходил на крыльцо. Холодный, резкий ветер бьет в лицо снегом. В непроглядной крутящейся мгле не видно даже строений. <...> Едва-едва, как в тумане, заметен занесенный сад. Холод нестерпимый. Лампа горит на столе слабым тихим светом. Ледяные белые узоры на окнах отливают разноцветными блестящими огоньками. Тихо. Только завывает метель да мурлычет какую-то песенку Маша. Прислушиваясь к этим напевам и отдаешься во власть долгого зимнего вечера. Лень шевельнуться, лень мыслить».

В январе 1887 года младшего сына Буниных потрясла смерть Надсона. Вот как он воскрешает это событие в «Жизни Арсеньева»: «Когда я прочел зимой о его смерти и о том, что его металлический гроб, “утопавший в цветах”, отправлен для торжественного погребения “в морозный и туманный Петербург”, я вышел к обеду столь бледный и взволнованный, что даже отец тревожно поглядывал на меня и успокоился только тогда, когда я объяснил причину своего горя.

— Ах, только и всего! — удивленно спросил он и сердито прибавил с облегчением: — Какой вздор лезет тебе, однако, в голову!»

Но Ваня Бунин долго не мог утешиться, и они с Юлием без конца говорили об этом событии. Вероятно, эта

1 Отто Карлович Туббе — управляющий спиртовым заводом Г.Я. Бахтеярова..

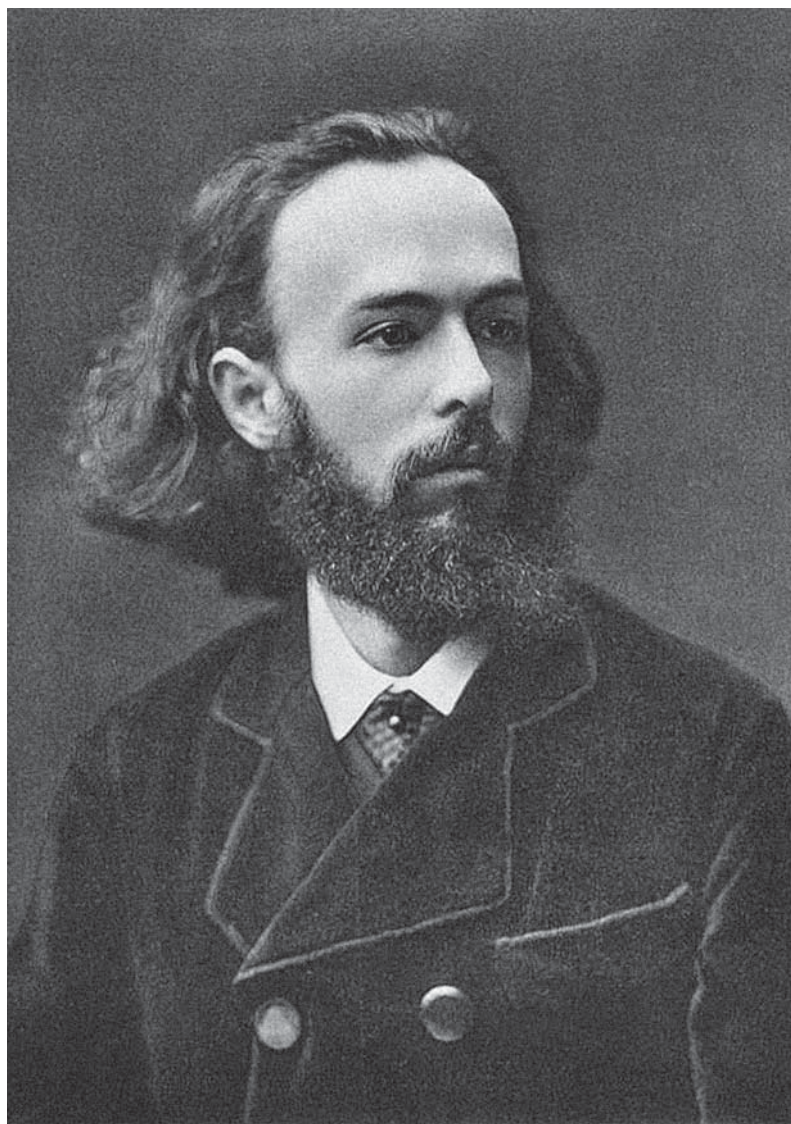
2 Эмилия Фехнер — гувернантка в семье Туббе.

смерть побудила его еще более рьяно писать стихи. Так появилось стихотворение «Над могилой Надсона». Иван послушался Юлия и послал два стихотворения: «Деревенского нищего», написанного еще в 1886 году, и «Над могилой Надсона» в журнал «Родина».

Иван Бунин долго ждал публикации, а не дождавшись, махнул рукой. Но как-то в середине мая он поехал в Васильевское к двоюродной сестре Софье Николаевне, а на следующее утро направился в гости к Туббе, дом которого стоял как раз напротив через речку. И на мосту его нагнал кучер Бахтеяровых, ездивший на почту. Он с восхищением протянул журнал «Родина», в котором было напечатано «Над могилой Надсона».

Лето 1887 года было прекрасным, в саду цвело множество роз. Бунин создал много стихотворений.

В это время в «Книжках “Недели”» появилось объявление о выходе отдельного издания стихотворений Надсона, имя которого «гремело» по всей России. Это объявление взволновало юного поэта, — он потом признавался, смеясь, что всероссийская слава Надсона его очень окрылила, и он решил «самому добиться подобной славы». Был нетерпелив: сказано — сделано. И он решил, что надо скорее прочесть всю книгу целиком, чтобы понять, чем вызвана такая слава! А для этого нужно отправиться в Елец, в библиотеку, и внимательно прочесть стихи. Но как добраться до города? Кабардинка (лошадь. — прим. ред.), как на грех, захромала. Рабочие лошади были заняты, да и их было уже

Семен Надсон

мало. Евгений (средний брат. — прим. ред.) ни за что не дал бы. Как все хозяйственные люди, он был жаден на лошадей. Что же делать? Решил идти пешком. Юлий не советовал, а мать поддержала. Она рассказывала, как в один день с бабами ходила в Задонск на богомолье, а потому ей казались пустяками тридцать верст!

Вышел Ваня на заре и без отдыха дошел до Ельца. Сначала шел до большой дороги, а затем от Становой он зашагал уже вдоль шоссе.

Библиотекарша огорошила его:

— На Надсона запись. Раньше месяца не дождетесь.

Ваня чуть не заплакал — путь был не малый! Стоял, молчал, не зная, что делать? Но барышня, зная уже его стихи, оказалась милостивой. Она дала ему собственный экземпляр. Это была настоящая радость. Он схватил драгоценную книгу и опрометью бросился из библиотеки, на ходу читая стихи. Отправился в трактир, чтобы закусить и напиться чаю. В трактире он встретил озерских мужиков, которые с радостью пригласили его к своему столу, а потом предложили довести его до дому. В Елец они приехали за кирпичами. Кирпичи они забирали на заводе уже поздно вечером. И в темноте все вместе тронулись в обратный путь.

Юный поэт лежал на кирпичах и держал в руках книгу. Было душно, начиналась гроза, да такая, что Ваня промок до костей, но книгу, положив под себя, довез сухою. А дома с Юлием подробно обсуждали стихи Надсона, и Юлий Алексеевич поражался суждениям младшего брата. Но все же книга Надсона подхлестнула его. Он много читал и писал все лето и зиму. Особенно часто он перечитывал Пушкина. Он утверждал, что «Пушкин был в ту пору подлинной частью» его жизни. Ему было даже трудно определить, когда Пушкин вошел в его жизнь. Он считал, что это — благодаря матери, которую звали пушкинским именем Людмила и которая читала ему с младенчества стихи Пушкина.

А.Н. НАЗАРОВА: В стихотворениях Надсона часто шла речь о тяж-

ком недуге, о тоске увядания, о близкой гибели. Но в действительности в них поэт говорил не только о своей личной судьбе, но и о «болезнях» целого поколения — людей, которым выпало жить в последней четверти XIX века. Это десятилетие получило название эпохи «безвременья», которое наступило после разгрома народолюбивого движения и усиления политической реакции. Признания и жалобы больного поэта приобрели тем самым широкий смысл, но сохранили при этом личные ноты, задушевность и лиризм.

В надсоновской лирике современники увидели героя времени, в котором узнали себя. Сомнения и жалобы на судьбу, негодование при виде господствующего зла и сознание собственного бессилия, жажда борьбы и неумение бороться, личные неудачи и чувство обреченности целого поколения — все эти давно знакомые черты сознания «лишних людей» в своеобразном историческом перевоплощении возникли в поэзии Надсона и выступили как характерная особенность современной ему эпохи.

Его лирический персонаж отказался от «дерзких мечтаний» и былых надежд, он мучим сомнениями и, по сути, сломлен жизнью. Но столь острое переживание идейного краха, бессилия и духовного тупика в то же время ставит его над пошлым и жестоким обществом с его мещанскими ценностями на недостижимую высоту.

Тем самым стихотворения Надсона привлекли аудиторию близостью к некрасовской школе с ее пафосом

демократизма и гражданственности и в то же время тяготением к романтическому мироощущению.

В выступлении Елены Андреевны прозвучали несколько фамилий, в первую очередь Пушкин и Лермонтов. Лермонтов играл для Надсона довольно значимую роль. Он был таким страстным книголюбом, и современники, знавшие поэта, говорили: нет в России такого поэта или писателя, чьи книги Надсон не прочел бы. Но один из современных Надсону критиков отметил, что Лермонтова тот любил больше, чем Пушкина. И даже в дневнике 1878 года Надсон признался, что на Руси нет лучше поэта, чем Лермонтов.

С удовольствием передаю слово профессору Московского педагогического университета, доктору филологических наук Ирине Георгиевне Минераловой.

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Дорогие коллеги, рада новой встрече! Хочу поддержать Елену Андреевну и сказать: неведомыми путями приходит к нам поэзия. Критически Бунин относился к поэзии Надсона. Но сам образ поэта, его трагическая судьба — это все не могло оставить равнодушным никого. Кроме того, если вы будете читать Василия Васильевича Розанова, его статью «Декаденты» — там он пишет о декадентах, дает определение, что такое декадентство. Мне там нравится одна мысль: мир как предмет любви исчез. Эта формула может пригодиться нам как критерий того, что есть я. Я сосредоточился на своей боли, на своей болячке или на мире,

Ирина Минералова

как предмете любви, на том, что тоже болит, и эта боль отзывается во мне. Если говорить о Лермонтове... Андрей Белый написал, что Блок был рукоположен Лермонтовым. Даже Есенину говорили, где бы он был, если бы не Лермонтов! А я скажу, что, даже любя творчество одного поэта, даже одно его стихотворение, мы все равно любим по-своему. Известный ученый-филолог А.А. Потебня говорил, что, когда мы говорим или представляем какое-то явление, мы создаем образ образа. Вот мы все сейчас сидим, а я скажу: все сидели в креслах. И если я буду рассказывать об этом в Москве, то каждый представит свое кресло. Может быть, то, в котором сидят сейчас сами. Мы, читая стихи поэта, тоже создаем образ. Даже, если одна и та же тема, даже один и тот же художник, мы по-разному это воспринимаем. Очень хочу, чтобы вы мне помогли сейчас. Тема любви. Но я не называю автора.

Любви, одной любви!
Как нищий подаянья,
Как странник, на пути
застигнутый грозой,
У крова чуждого молящий состраданья,
Так я молю любви с тревогой и тоской.

Сколько девочек сто лет назад
могли заплакать, слушая эти строки.
Кто написал? Конечно, Надсон.

Или:

Иван Бунин

Меняя каждый миг свой
образ прихотливый,
Капризна, как дитя,
и призрачна, как дым,
Кипит повсюду жизнь
в тревоге суетливой,
Великое смешав с ничтожным
и смешным.

А это кто? Правильно! Тоже Надсон. А вот сейчас вы сразу угадаете:

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных, —
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных!
Откуда же являешься ты мне?
Зачем же воскресаешь ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,
Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг?

И здесь совершенно другая магия стиха. Это Иван Алексеевич Бунин. Давайте посмотрим, чем похожи и чем не похожи эти стихи.

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТ: Похожи мотивом страдания.

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Да, а еще чем?

ВТОРОЙ СТУДЕНТ: В них звучит восторг.

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Хорошо. Но вот смотрите. «Но нет уж в мире нас». Что это?

А.В. НАЗАРОВА: Но у Бунина нет такого сравнения «Как нищий подаянья...»...

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Но, скажите, вы представляете ту, которой посвящены эти стихи? Как выглядит та, о которой пишет Надсон?

ТРЕТИЙ СТУДЕНТ: Она умерла рано, если говорить о Надсоне. Это горе осталось у него в памяти навсегда.

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Да, но посмотрите, когда мы читаем Надсона, то мы конкретных черт этой девушки совершенно не представляем.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТУДЕНТ: Она словно призрак!

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Да, верно. Призрак. То, в чем Бунин упрекал Надсона, и совершенно справедливо, это такая обобщенность, набор штампов, каких-то поэтизмов.

Ю.В. ЦВЕТКОВ: Я как раз хочу об этом рассказать. Бунин как раз очень сильно повлиял на поэтов XX века и XXI века потому, что он начал вводить некие прозаизмы. Когда образ стал не абстрактным, а очень конкретным.

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Ух, сколько угодно прозаизмов! Тут не только Бунин.

Ю.В. ЦВЕТКОВ: Я имею в виду не только лексику, но и стилистические конструкции. Поэтическая речь стала намного ближе к живой речи.

СТУДЕНТ 5: У Бунина возникает какой-то светлый образ возлюбленной.

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Да. Не тоска, не боль, не разочарование...

Е.А. ПОЛТАВСКАЯ: Но здесь же ощущается огонь! «Огонь небесных глаз, счастливых, радостных, смиренных»...

И.Г. МИНЕРАЛОВА: И это вечно. Эта любовь не ушла в никуда, а она остается с нами навсегда. И если вы будете читать другие стихи Бунина... Например, «Рок отметил тебя. На земле ты была не жилица. / Красота лишь в Эдеме не знает запретных границ». Но здесь все равно создается другой образ образа. А вот что касается Надсона? При всем том он в свою эпоху убедителен. Вы можете себе представить, что он писал бы во время Первой мировой, Великой Отечественной, и мы лили бы слезы. Вы посмотрите, какие события происходили в его эпоху. Поэтому сосредоточен на себе. «Мир как предмет любви исчез». События, в которых ты сострадаешь людям, их просто нет. А, может быть, ты их не находишь, потому что ты сам уязвлен самыми разными вещами: духовными, нравственными, физическими. Но сказать, что он был абсолютно индифферентен к тому, что происходило вокруг, это неправда. И по-лермонтовски тоже переживал происходящее.

А теперь следующее стихотворение. Кто поможет прочесть?

ШЕСТОЙ СТУДЕНТ читает:
Сколько лживых фраз,
надуто-либеральных,
Сколько пестрых партий,
мелких вожаков,
Личных обличений,
колкостей журнальных,
Маленьких торжеств
и маленьких божков!..
Сколько самолюбий глубоко задето,
Сколько уст клеветает,
жалит и шипит, —

И вокруг, как прежде,
 сумрак без просвета,
И, как прежде, жизнь и душит и томит!..
А вопрос так прост: отдайся всей душою
На служенье братьям, позабудь себя
И иди вперед, светя перед толпою,
Поднимая павших, веря и любя!..
Не гонись за шумом быстрого успеха,
Не меняй на лавр сурового креста,
И пускай тебя язвят отравой смеха
И клеймят враждой нечистые уста!..
Видно, не настала, сторона родная,
Для тебя пора, когда бойцы твои,
Мелким, личным распрям
 сил не отдавая,
Встанут все во имя правды и любви!
Видно, спят сердца
 в них, если, вместо боя
С горем и врагами родины больной,
Подняли они, враждую меж собою,
Этот бесконечный, этот жалкий бой!..

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Стихотворение 1881-го года.

Е.А. ПОЛТАВСКАЯ: Надсону девятнадцать лет, значит!

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Почему оно такое, я бы сказала, лермонтовское? Вспомните: «И ненавидим мы, и любим мы случайно, / Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви». Каждый поэт в свою эпоху и свои, и даже похожие обстоятельства жизни отражает по-своему.

Бунин в отличие от Надсона совсем по-другому думает и о социальном, и о нравственном. Я сейчас покажу стихотворение Бунина. Вы все его знаете. Бунин здесь написал о родине, о человеке, и не только в своей стране, он написал о человеке в мире. Потом

уже будет Ахматова, потом будут другие. Это стихотворение 1915 года. Но первым был Бунин. Мысль о слове, об ответственности за слово — она есть и у Надсона, и у Бунина. Читаем все вместе.

(Зал читает вслух)

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни
 злости и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Я хотела бы, чтобы мы об этом все помнили, читая Надсона и Бунина.

А.В. НАЗАРОВА: Большое спасибо, Ирина Георгиевна, за яркое выступление. Но при этом прозвучали немного обидные слова в отношении поэта о том, что он пользовался шаблонами. И был упомянут Розанов и его статья «Декаденты». Интересно, что даже после своей кончины, спустя пятнадцать лет Надсон оставался самым читаемым поэтом. И как это парадоксально ни прозвучит, явился такой своеобразной «шинелью», из которой вышли «старшие» символисты.

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Анастасия Викторовна, немного прерву. Говорят штампы, штампы, штампы — это плохо. Мы любим изыски. Но если ты хочешь, чтобы твои слова доходили

до широкой аудитории, ты избегаешь изысков. Ведь журналисты пользуются обычно штампами. Они не используют всякие виньетки, поскольку стремятся, чтобы мысль напрямую доходила. Почему Надсон был еще популярен — потому что каждый мог легко взять образ-штамп в свою душу.

А.В. НАЗАРОВА: И тем интереснее, если почитать литературу о нем, окажется, что Надсон ничего такого и не придумал: он вполне себе традиционный поэт, однако он и новатор — и не только в теме и в некоторых его поэтических завоеваниях. С удовольствием предоставляю слово Галине Ивановне Седых, доценту Литературного института, которая познакомит нас с техническими особенностями поэзии Надсона.

Г.И. СЕДЫХ: Моя специализация — теория стиха, и я уже пять десятков лет веду семинар поэзии в Литературном институте имени А.М. Горького и все время имею дело с молодыми, амбициозными поэтами.

Вообще-то мне хотелось поговорить о ритмическом новаторстве Надсона. И я скажу об этом, но чуть позже. Вот Ирина Георгиевна дала пищу для размышлений. Она затронула, по сути, философскую проблему. Назову ее так: образ как система образных отражений. Поэт воспринимает мир через объект-образ, преобразует его в слово-образ и транслирует в мир. Образ в образе, как учил Потебня, да еще в мире, который «не является предметом любви». Будем иметь в виду, что Надсон — поэт больного поколения эпохи безвременья, эпохи вне сти-

ха. Он хочет быть и с Лермонтовым, и с Некрасовым, то есть оставаться эго-личностью со стихами «в глуши» и в тоже время быть публичным глашатаем лозунга «все на баррикады!». Страдающий анахорет и жертвенный герой одновременно. Он был феноменом крайностей, поэтом недолюбленным и перелюбленным своими современниками, предтечей русских символистов, откровенно смеявшихся над ним из-за своего увлечения им в собственной неповторимой юности — «вместе со всеми».

В чем причина трагедии Надсона, ушедшего из жизни совсем молодым в разгаре небывалой славы и почти забытого в веке двадцатом? Я считаю, что дело в аберрации читательского взгляда на личность поэта — творящего и творимого. Поэт как образ в образе поэта. Почти все современники Надсона — и друзья его «из народа», и недруги «из литературного процесса» — видели в нем только этот образ поэта, а не самого поэта, то есть копию, а не личность как таковую. Образ поэта в традиционном понимании читателя (обывателя) устойчив, поскольку наделен узнаваемыми чертами. А что у Надсона? Гипертрафированность чувств поэтического страдания. Это не мое мнение, это мнение тех поэтов, что тогда уже входили в двадцатый век. Например, А.А. Блок считал Надсона «поучительнейшим литературным недоразумением». И.А. Бунин в своем эмигрантском «Дневнике» отозвался о стихотворении Надсона «В глуши» очень двусмысленно, вроде бы похвалил: «Вижу и чувствую эту

“глушь”, несмотря на то, что это Надсон». Но похвала адресована не поэту Надсону, а локации, которая тогда соответствовала настроению нобелевского лауреата — глухомань, глушь.

В общем, не приняли Надсона как лирика ни символисты (Брюсов), ни футуристы (Северянин, Маяковский). Он сам этому поспособствовал своими «надрывными стихами» с плохими рифмами (типа «Ваал — идеал»). Зато его хвалили наши великие прозаики Чехов, Салтыков-Щедрин, и он пользовался бешеным успехом у молодежи, у революционно настроенных масс — за ясность социальной позиции.

В конце своей жизни Надсон, буквально не на жизнь, а на смерть сошелся с язвительным Бурениным, хотя был человеком неконфликтным. Но кодекс чести требовал жертвенности реальной, а не из грезы иной жизни, где можно полюбить призрак. Учитель и «крестный отец в литературе» (слова самого Надсона) поэт-петрашвец А.Н. Плещеев дал своему подопечному такую характеристику: «распятый на кресте божественный плебей».

Я думаю, парадокс явления Надсона в русской поэзии заключается в размытой незавершенности его образа. Кто он? Полукровка, сирота, слезливое дитя «расхристанного века» или феномен крайностей, в которых «иная жизнь, иные грезы», где поэту может помниться, пригрезиться возможность управлять толпой. Именно толпой, которую он «не презирает» (ой, ли?). «Кто мог сказать

толпе — куда ее движенье?». Да кто ж — только вожак. Ведь толпа — это либо стадо баранов, либо волчья стая в зависимости от исторических обстоятельств.

С народом отношения другие — «народ, обиженный судьбою», святой, ему нужен или мудрый пастырь, или — еще лучше — старозаветный мессия. Надсон, может быть, и хотел быть Большим реббе, но связь с тем народом потеряна: «Я рос тебе чужим, отверженный народ <...> / Твоих преданий мир, твоих печалей гнет / Мне чужд, как и твои ученья».

Сейчас скажу крамолу. Похоже, что Надсон, как и его кумир-предтеча Лермонтов, не были верующими, точнее, если и верили, то не по-православному...

И.Г. МИНЕРАЛОВА: Лермонтов не по-православному?

Г.И. СЕДЫХ: Да! Все эти демоны, дьявольские искушения, игра со смертью, «троллинг» Мартынова и много еще чего... Все это, скорее, западное влияние. Надсон любил Лермонтова и опасался Пушкина. Ведь Пушкин — певец гармонии, основатель «школы гармонической точности» русской поэзии. Молодые в силу духоподъемной юности больше любят Лермонтова, осмысление пушкинской гениальности приходит позже с возрастом и опытом жизни. Надсон, как мне кажется, скрытно желал быть мессией (а кто из поэтов не желал?). Но не получилось у него стать «Христом без креста». Последние часы жизни он прожил в нервическом состоянии отстаивания чести — своей и преданной ему женщины.

Брюсов, учившийся в юности у Надсона, писал, что тот, как младенец, вообще не владел техникой стиха. И вот сейчас я возвращаюсь к заявленной теме — о ритмическом мезальянсе одного из стихотворений нашего поэта. Вслушайтесь в метрику его словоразделов. Читаю очень медленно, без пафоса, делая паузу только на цезуре (цезура, напомним, это постоянный словораздел в строке, разделяющий ее на два полустихия для более четкой ритмической организации).

Милый друг, я знаю, я глубоко знаю,
Что бессилен стих мой,
 бледный и больной;
От его бессилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу в тишине ночной...
Нет на свете мук сильнее муки слова:
Тщетно с уст порой
 безумный рвется крик,
Тщетно душу сжечь
 любовь порой готова:
Холоден и жалок нищий наш язык!..

Радуга цветов, разлитая в природе,
Звуки стройной песни,
 стихшей на струнах,
Боль за идеал и слезы о свободе, —
Как их передать в обыденных словах?
Как безбрежный мир,
 раскинутый пред нами,
И душевный мир, исполненный тревог,
Жизненно набросить
 робкими штрихами
И вместить в размеры
 тесных этих строк?..

Начало — стихотворение о стихотворении, о боли и мучении, ког-

да поэт это сочиняет. Для читателя чтение, возможно, еще более мучительное. Поэтому говорят, что лучше стихотворцам не писать стихи о том, как трудно писать стихи. Читать это совсем неинтересно. Но — читаем дальше:

Но молчать, когда
 вокруг звучат рыдания
И когда так жадно рвешься их унять, —
Под грозой борьбы
 и пред лицом страдания...
Брат, я не хочу, я не могу молчать!..
Пусть я, как боец, цепей не разбиваю,
Как пророк — во мглу не проливаю свет:
Я ушел в толпу и вместе с ней страдаю,
И даю что в силах — отклик и привет!..

Надсона упрекали в архаичности и ограниченности ритмического репертуара — мол, сплошная силлабо-тоника. А между тем он сделал прорывное новаторское открытие, впервые отмеченное выдающимся поэтологом нашего времени М.Л. Гаспаровым. Поэт ввел подвижную цезуру в каноническую форму стихотворного размера.

Сейчас мы приступим к эксперименту — кощунственному, но небезынтересному. Разделим по цезуре анализируемое стихотворение, написанное шестистопным хореем, на две части:

1
Милый друг, я знаю,
Что бессилен стих мой,
От его бессилья
Часто тайно плачу
Нет на свете мук

Тщетно с уст порой
Тщетно душу сжечь
Холоден и жалок
Радуга цветов,
Звуки стройной песни,
Боль за идеал
Как их передать?
Как безбрежный мир,
И душевный мир
Жизненно набросить
И вместить в размеры
Но молчать, когда
И когда так жадно
Под грозой борьбы
Брат, я не хочу
Пусть я, как боец,
Как пророк — во мглу
Я ушел в толпу
Я даю что в силах

Вообще вполне логическая и понятная по смыслу часть, но здесь нет рифмы, которая нам что-то подсказала бы, расширила восприятие.

А вот правая часть — послестрофная:

2
я глубоко знаю
бледный и больной
часто я страдаю
в тишине ночной...
сильнее муки слова
безумный рвется крик
любовь порой готова:
нищий наш язык!..
разлитая в природе,
стихшей на струнах,
слезы о свободе
в обыденных словах
раскинутый пред нами

исполненный тревог
робкими штрихами
тесных этих строк

вокруг звучат рыдания
рвешься их унять
и пред лицом страданья
я не могу молчать
цепей не разбиваю
не проливаю свет
и вместе с ней страдаю
отклик и привет!

Здесь наглядно продемонстрирована контаминация (или альянс) двух абсолютно самостоятельных, стремящихся навстречу друг другу размеров — трехстопных хореев. Непостоянная подвижная цезура выполняет роль своеобразного «сжимателя строк», объединителя классических двухсложников в сдвоенный триметр (синариус). И, как совершенно справедливо отметил наш поэт Юрий Цветков, Надсон показал путь к расшатыванию жесткой метрической схемы стиха, насыщения его более свободными элементами языка прозы. Для его времени это было довольно дерзко.

Известно, что стихи Надсона читал даже Ленин, который русской поэзией особо не увлекался. Очень неплохо относился к нему Ф.М. Достоевский. Значит, было что-то безусловно истинное в этом измученном болезнью и трагическими обстоятельствами молодом, рано ушедшем из жизни настоящем поэте.

А.В. НАЗАРОВА: Мы видим, насколько глубока творческая лич-

ность Надсона. Как постепенно раскрываются ее грани. Интересно, что и в судьбе самого Надсона, помимо уже упомянутых сложностей, была еще и такая. В юности будущий поэт страстно мечтал поступить в университет или консерваторию, но по решению родственников пошел на военную службу. Военная служба тяготила его, поэтому, выйдя в отставку в 1884-м, Надсон целиком отдался литературной работе.

Результатом знакомства Бунина с лирикой Надсона стало появление в 1887 году своеобразного «надсоновского» стихотворного цикла. В нем молодой художник слова стремился не только проникнуться внутренним настроением лирики Надсона, но и усвоить его стилевую манеру, «говорить» его языком. Погружаясь таким образом в творческий мир предшественника, Бунин пытался разгадать загадку, чем же тот приводит в восхищение всю Россию. Но главное, он учился у Надсона фиксировать в стихотворениях колебания чувств, вибрацию настроений, переходы от одного душевного состояния к другому. Это умение повлияло не только на поэзию, но и на прозу Бунина, принеся тому впоследствии славу признанного мастера художественного психологизма и ориентира для художников двадцатого и двадцать первого века.

Об этой связи расскажет Юрий Цветков — поэт, культуртрегер, сотрудник государственного музея истории российской культуры имени В.И. Даля.

Юрий Цветков

Ю.В. ЦВЕТКОВ: Здравствуйте! Мне кажется, что мы уже довольно долго сидим, поэтому я постараюсь дать краткие тезисы. Я, конечно, благодарен Галине Ивановне за этот урок лирики. Мы видим, как она мучает студентов цезурой и прочими такими сложными вещами. Мне кажется, что нам сейчас буквально был дан мастер-класс, как в Литературном институте.

Вообще нужно было бы начать с того вопроса, который задал нашу с вами встречу: слышал ли кто-нибудь из студентов до сегодняшнего дня имя Надсона или нет? Поднимите руки хотя бы те, кто слышал эту фамилию. *(В зале поднимаются руки.)* Это значит, что наша встреча состоялась не зря, потому что это поэт, который в свое время невероятно гремел, но,

После спектакля «Шопен русской поэзии. По дневникам Надсона» с актерами студии ТЕАТРО под руководством О.Н. Рудневой в ЛППУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

конечно, совершенно забыт сегодня в этом невероятном информационном потоке. Вы представьте себе, если я скажу, что поэтические книги Гумилева или Ахматовой выходили тиражом от ста до пятисот экземпляров, а книга Надсона, уже когда она переиз-

давалась, вышла тиражом десять тысяч экземпляров! То есть представьте, насколько он был популярен. Десять тысяч — это безумные советские тиражи. До революции таких популярных поэтов попросту не было. И здесь мы затронули очень интересную тему,

как поэт может поступить в жизни (филологи же должны разбираться в поэтах!), как он должен поступить, к чему лежит его душа? Говорили о том, что Надсон пишет какими-то штампами, у него очень много таких слов, как *печаль, страдающий, жестокий,*

больной и так далее, и так далее. Это такой настрой его души. Таким образом он выражал растерянность своего поколения. Здесь уже говорили, что он находится между Лермонтовым с романтической душой и Некрасовым, который в общем-то социальный

поэт, но социальность этих лет никуда не выливалась. И Надсон был понятен народу. И он как бы завершал собой этот Золотой век русской литературы, вот этих открытий.

Есть такой поэт Михаил Айзенберг, он замечательный критик. И вот в своей статье «Некоторые другие» он пишет: когда поэтизмы достигают уже какого невероятного, уже предельного уровня популярности, читатель следующего поколения перестает верить этим словам, потому что для него это уже устаревший язык. И тогда, что называется, приходят поэты, которые начинают каким-то образом видоизменять этот поэтический язык. Он может идти — вот как дальше он пошел в символизм, акмеизм. Он может идти дальше в какой-то футуризм, какое-то искание. Он может идти, как произошло во второй половине двадцатого века, в некоторую прозаизацию поэзии. А сегодня, если говорить о современной поэзии, то если вы возьмете какого-нибудь современного поэта, начнете его читать и скажете: «Разве это стихи вообще?! Что это такое?»

Е.А. ПОЛТАВСКАЯ: Это верлибр!

Ю.В. ЦВЕТКОВ: Да. И здесь я говорю, что каждый поэт должен выбирать, чем он занимается в поэзии: он выражает себя, он хочет быть популярным, он хочет быть понят здесь и сейчас или он работает на какое-то будущее? Как правило, это будущее связано с развитием нашего, в данном случае русского, языка.

Надсон не то чтобы выбирал это специально. Вообще поэты так не делают — они изначально предрасположены к чему-то. Надсон, мне кажется, как раз и был этим выразителем настроения того времени и очень важным мостиком, таким переходом, «предельностью» поэтического языка, уже, что называется, завершая эпоху после Пушкина, Лермонтова, Некрасова и так далее. Он ее завершил и дал возможность русской поэзии развиваться дальше. Вот об этом я хотел сказать.

А.В. НАЗАРОВА: Спасибо большое, Юрий! Может быть, кто-то хочет поделиться впечатлениями? Да, пожалуйста, Екатерина Ивановна Энсис.

Е.И. ЭНСИС: Для меня Надсон и Бунин пересеклись в одном. Первый был несчастлив и выражал свои страдания. А Бунин был счастлив. Но он, принимая любовь, влюбляясь, каждый раз «умирал» от этой любви. А Надсон принял физическую смерть.

А.В. НАЗАРОВА: Спасибо! Нам хотелось бы послушать и нашу молодежную аудиторию.

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТ: Мы лингвисты, для нас больше важен язык. Но я училась в школе, у нас когда-то были Бунинские чтения (наша школа была организатором). Мне Бунин очень близок...

Е.А. ПОЛТАВСКАЯ: Это гимназия № 1?

ПЕРВЫЙ СТУДЕНТ: Да-да! Я до нашей встречи не знала такого поэта Надсона. Но теперь на контрасте с Буниным понимаю: да, в их творчестве есть какие-то сходства и различия. У Надсона в стихотворениях больше страдания, и для меня он пишет слишком высокопарно. А у Бунина, скажем так, больше конкретики, поэтому его поэзия меня привлекает больше.

ВТОРОЙ СТУДЕНТ: Я тоже ничего не знала об этом поэте, но сейчас понимаю: то, о чем он пишет, мне близко. Во мне отзываются его романтические переживания. Как здесь уже говорилось, многие девушки переживают влюбленность, но эти романтические переживания порой могут проходить через всю жизнь. И я это отметила в поэзии Надсона.

ТРЕТИЙ СТУДЕНТ: Мне кажется, что тема любви в поэзии никого не может оставить равнодушным, поэтому она является для меня одной из самых животрепещущих, не только потому что я девушка. И еще не менее значима тема родины. Вот когда здесь всплывали такие темы, как народ, единение, их обсуждение показало — сейчас это как никогда важно. Поэты никогда не были сами по себе. Они всегда были с народом. Они чувствовали его боль. Они достаточно пережили, чтобы так высоко духовно возрасти. И тут поднимался такой вопрос, что это не совсем поэзия, но критиковать легко, любить сложно.

